

Взаимодействие Международного Комитета Красного Креста с вооруженными группами: проблемы, возможности, COVID-19

Ирене Эрбе и Жером Древо

Ирене Эрбе работал с Международным Комитетом Красного Креста (МККК) в различных странах, а затем перешел в штаб-квартиру на пост руководителя подразделения по международным проблемам и негосударственным вооруженным группам, которое поддерживает гуманитарный диалог МККК с актерами, участвующими в конфликтах, и окружающими сообществами. Адрес электронной почты: ireherbet@icrc.org.

Жером Древо — старший аналитик Международной кризисной группы по джихаду и современным конфликтам и научный сотрудник Института международных исследований. Ранее занимал должность советника МККК по негосударственным вооруженным группам (НВГ).

Адрес электронной почты: jerome.drevon@gmail.com.

Аннотация

В настоящей статье через призму новых фактических данных, полученных по результатам внутренних исследований, рассматривается участие 605 вооруженных групп в современных конфликтных ситуациях.

В частности, предметом исследования является оказание этими негосударственными акторами разного рода услуг населению на территориях, находящихся у них под контролем, и возможные последствия для диалога, который может установить с ними в будущем гуманитарная организация, такая как МККК. Затем эта модель анализа используется для определения и более корректной трактовки взглядов вооруженных групп на кризис, вызванный пандемией COVID-19.

Ключевые слова: негосударственные вооруженные группы, COVID-19, диалог, гражданское население, гуманитарная деятельность, переговоры по гуманитарным вопросам, взаимодействие.

Введение

МККК взаимодействует с государственными и негосударственными акторами, которые вовлечены в современные вооруженные конфликты и иные ситуации насилия. В частности, значительную часть работы организации составляет взаимодействие с вооруженными группами с учетом их постоянного присутствия на арене немеждународных вооруженных конфликтов и в иных ситуациях насилия, в которых приходится работать МККК¹. Несмотря на обязательство МККК соблюдать конфиденциальность информации о процессах взаимодействия с вооруженными группами, в этой статье представлена некоторая информация общего характера о современной динамике вооруженных конфликтов и их последствиях для работы организации, представляющая интерес для общественности.

Будучи независимой и нейтральной гуманитарной организацией, при взаимодействии с вооруженными группами МККК преимущественно преследует цель обеспечить защиту и поддержку гражданского населения, затронутого вооруженными конфликтами, и содействовать соблюдению международного гуманитарного права (МГП). Правовую основу этого мандата составляют Женевские конвенции 1949 года, Дополнительные протоколы к ним, Уставы МККК и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца². На практике МККК — с учетом своей обширной

1 МККК использует следующее внутреннее рабочее определение вооруженных групп: «...широкий спектр групп, имеющих разные цели, структуры, доктрины, источники финансирования, военную мощь и степень контроля над территорией. К ним относятся группы, не признанные в качестве государств, но располагающие возможностями для совершения насилия, представляющего проблему с гуманитарной точки зрения. В эту обширную категорию входят “негосударственные вооруженные группы” (НВГ), которые являются сторонами в немеждународных вооруженных конфликтах и, следовательно, должны соблюдать международное гуманитарное право».

2 Обсуждение этого вопроса с точки зрения права см. в документе с изложением позиции МККК: Jelena Nikolic, Irénée Herbet and Tilman Rodenhäuser, “ICRC Engagement with Non-State Armed Groups: Why and How”, *Humanitarian Law & Policy*, 2021, доступно по адресу: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2021/03/04/icrc-engagement-non-state-armed-groups/?utm_source=linkedin&utm_medium=social&linkId=100000035636190 (все ссылки на интернет-ресурсы приведены по состоянию на сентябрь 2022 г.).

географии и широкого спектра видов деятельности — взаимодействует с бóльшим количеством вооруженных групп, нежели любая другая гуманитарная организация. Взаимодействие с вооруженными группами необходимо для получения надежного доступа к уязвимым слоям населения, находящегося под непосредственным контролем или влиянием таких групп. Кроме того, оно помогает МККК выступать в качестве нейтрального посредника³ и придерживаться своего *modus operandi*, основанного на независимости и нейтралитете. Наконец, взаимодействие с вооруженными группами направлено на обеспечение более тщательного соблюдения права вооруженных конфликтов.

В 2021 году МККК выявил 605 вооруженных групп, способность к насильственным действиям которых вызывает беспокойство с точки зрения возможных гуманитарных последствий в местах работы МККК⁴. МККК взаимодействует с 418 из этих групп по всему миру⁵. Вооруженные группы бывают самыми разными: от подобных государствам территориальных бюрократических образований, под управлением которых находится население, превышающее численность населения Швейцарии (около 8,7 миллиона человек), до объединений, в определенной степени являющихся частью общин и существующих исключительно в условиях политического вакуума или в отсутствие обеспечения безопасности, когда государство уже неспособно осуществлять управление на местном уровне. МККК разработал обширный инструментарий для анализа и обобщения своих моделей взаимодействия и гуманитарного диалога с подобными группами⁶. Такой анализ помогает нам лучше понять принципы функционирования вооруженных групп по всему миру, в том числе характер их деятельности, цели, отношение к населению и другим государствам, а также модели применения насилия. С начала 2020 года мы стали руководствоваться этим аналитическим инструментом для определения ответных мер в связи с COVID-19, фиксируя с помощью последовательного аналитического механизма реакцию вооруженных групп на этот кризис.

Вспышка COVID-19 создала ряд проблем в гуманитарном плане. Особенно сильно эти проблемы отразились на гражданском населении, поскольку пандемия привела к усугублению гуманитарной ситуации в странах, которые до пандемии уже жили в условиях вооруженного конфликта. Следует отметить серьезные трудности, вызванные тем, что существующие государственные институты подменялись разнообразными вооруженными группами. Все меры реагирования на пандемию, которые принимались на местном уровне, вводились в условиях растущего числа негосударствен-

3 МККК считает себя «нейтральным посредником», если выступает в качестве третьего лица для двух или более сторон в конфликте и с их согласия в целях содействия разрешению спора или исполнению достигнутого соглашения.

4 Не все эти вооруженные группы обязательно считаются сторонами в международном вооруженном конфликте для целей МГП.

5 Источником всех данных, приведенных в настоящей статье, служат наши внутренние отчеты.

6 См., например: МККК. Истоки сдержанности на войне. Москва, 2019, доступно по адресу: <https://www.icrc.org/ru/document/istoki-sderzhannosti-na-voynе-1>.

ных сторон⁷. В связи с этим необходим глубокий анализ характеристик вооруженных групп в различных случаях и наших моделей взаимодействия с ними, чтобы МККК мог уточнить позицию этих групп в отношении кризиса и лучше скорректировать свои меры реагирования. Такое понимание помогло нам определить целесообразность и практические методы взаимодействия, а также возможный ответ на проблему пандемии.

Настоящая статья написана по материалам ежегодных исследований, проводимых с 2018 года, с опорой на нашу деятельность, предполагающую взаимодействие с вооруженными группами. Подробные сведения, полученные в ходе этих исследований, особенно данные по странам, не подлежат публикации, чтобы не навредить рабочему взаимодействию МККК. Наша работа зиждется на соблюдении конфиденциальности и сохранении диалога МККК как с государственными, так и с негосударственными акторами. Тем не менее мы приняли решение обнародовать общую справочную информацию, которая иллюстрирует важные аспекты нашей работы при полном соблюдении основополагающих принципов Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Мы придерживаемся следующей методики: данные извлекаются из комплексного опроса, который ежегодно рассылается всем делегациям МККК для сбора исчерпывающих сведений о количестве, типологии и характеристиках акторов, с которыми МККК ведет диалог на местах. Полученная статистическая информация дает общее представление о важнейших чертах некоторых из этих групп.

В нашей оценке населения, подконтрольного вооруженным группам (см. ниже), учтены гражданские лица, находящиеся на территории, над которой вооруженные группы осуществляют исключительный контроль с точки зрения политики и безопасности, хотя центральное правительство может еще предоставлять некоторые услуги населению (например, в сфере образования или здравоохранения), а также гражданские лица, проживающие в районах, где такой контроль является спорным. Известно, что провести подобную оценку очень сложно, поскольку границы могут быстро меняться, а количество жителей в некоторых из этих мест можно определить в лучшем случае весьма приблизительно. Тем не менее эти количественные данные дают важную информацию об этом явлении. Мы не утверждаем, что осуществление вооруженными группами управления представляет собой новое явление, но считаем чрезвычайно важным оценить его нынешние масштабы и гуманитарные последствия.

Настоящая статья состоит из трех частей. Первая посвящена основным тенденциям, связанным с присутствием вооруженных групп во всем мире. Можно отметить два основных свойства современных вооруженных конфликтов: обширную поддержку вооруженных групп со стороны внешних государств и степень контроля вооруженных групп над террито-

7 См.: пресс-релиз МККК «Исследование МККК: все больше конфликтов, все больше сторон в каждом конфликте — все сильнее опасность», 2018, доступно по адресу: <https://www.icrc.org/ru/document/issledovanie-mkkk-vse-bolshe-konfliktov-vse-bolshe-storon-v-kazhdom-konflikte-vse-silnee>.

рией. Почти половина вооруженных групп пользуются поддержкой извне. В условиях полного контроля над территорией после устранения политического и военного присутствия признанных на международном уровне правительств вооруженные группы часто пытаются воспроизвести традиционные государственные институты, чтобы управлять населением. Во второй части статьи исследуется влияние двух этих характеристик на наше взаимодействие с вооруженными группами. В ней говорится о том, что, независимо от идеологической направленности вооруженных групп, вид осуществляемой ими невоенной деятельности определяет и вид гуманитарных целей, которых может достичь МККК, и качество диалога с этими группами. Этот вывод служит подтверждением того, что фактическая обстановка на месте играет более важную роль, чем ее описание. Наконец, в третьей части на основе полученных результатов иллюстрируется наш анализ воздействия COVID-19 и спектр мер реагирования, которые могут быть приняты. В этом разделе рассматриваются постоянные и переменные характеристики вооруженных групп и их влияние на способность МККК вести диалог с этими акторами.

Две господствующие тенденции: внешняя поддержка и управление

Деятельность вооруженных групп носит преимущественно местный (55%), субнациональный (19%) или внутривосточный (10%) характер. Она включает в себя как военные действия низкой интенсивности, которые ведут местные группы, сформировавшиеся вокруг своих сообществ, так и значительные кампании в масштабах всей страны, инициированные группами, которые намерены захватить государственную власть и уже осуществляют контроль над большей частью территории. Большинство групп имеют преимущественно субнациональную и национальную направленность и непосредственно оспаривают власть органов государственной власти или стремятся установить некий иной общественный порядок.

Однако даже внутривосточные конфликты редко определяются исключительно внутривосточной динамикой. Первой заметной тенденцией в условиях современных вооруженных конфликтов является значение внешней поддержки вооруженных групп, которая стала важным вектором возможного выхода конфликтов за пределы государственных границ. Почти половина вооруженных групп по всему миру пользуются поддержкой одного или нескольких иностранных государств⁸. Поддержка со стороны других государств особенно распространена в таких странах,

8 Предоставление поддержки является важной чертой современных войн; более подробную информацию см.: МККК. Альянсы, союзы и другие партнерства: управление «отношениями поддержки» в вооруженных конфликтах для смягчения гуманитарных последствий войны. 2021, доступно по адресу: <https://shop.icrc.org/allies-partners-and-proxies-managing-support-relationships-in-armed-conflict-to-reduce-the-human-cost-of-war-pdf-ru.html>.

как Ирак, Ливия и Сирия. Большая часть поддержки поступает от государств, расположенных в том же регионе, тогда как масштабная поддержка со стороны западных стран за небольшими исключениями направлена на оказание помощи территориальному государству или принимает форму непосредственного вторжения, сопровождающегося вводом собственных вооруженных сил.

Разнообразие вооруженных групп, их местные интересы и наличие множества противостоящих друг другу объединений с участием государств ставит под вопрос общее понимание внешней поддержки как механических отношений, в рамках которых вооруженные группы являются не более чем инструментом в руках зарубежных государств. Внешняя поддержка слишком часто понимается как однонаправленные отношения благодетеля и благополучателя, в которых сила и самостоятельность находятся преимущественно на стороне других государств. Однако укорененность многих групп в местной среде также представляет собой серьезное ограничение для государств, оказывающих им поддержку, поскольку им приходится признать пределы совершаемых ими действий. Местные группы иногда неохотно реагируют на требования своих внешних сторонников, если этим требованиям противятся местные сообщества. Кроме того, переговорная позиция местных групп укрепляется за счет возможности вступать в другие союзы, поскольку недостатка в желающих не наблюдается, и играть друг против друга на стороне различных коалиций. Как показывают наши исследования, особенно сильна государственная поддержка тех вооруженных групп, которые ведут исключительно военные действия или обеспечивают полномасштабное управление, тогда как группы, обеспечивающие лишь некоторые виды услуг населению или лишь частично поддерживающие безопасность, пользуются значительно меньшей поддержкой.

Геополитические возможности для создания коалиций есть не только у государств. Вооруженные группы тоже могут объединяться с другими группами, и уровень сотрудничества может варьироваться от взаимного обмена материальной помощью до тактической военной координации, стратегического партнерства и, наконец, полного слияния⁹. Союзы между группами могут быть кратковременными. В большинстве конфликтов они конкурируют друг с другом — из этого головокружительного числа вариантов противостояний и складывается калейдоскоп сегодняшних конфликтов. Важно тщательно изучать такие союзы между группами, поскольку они осложняют юридическое определение применимости МГП¹⁰.

Второй заметной чертой современных вооруженных конфликтов является широко распространенное осуществление вооруженными груп-

9 См., например: Assaf Moghadam, *Nexus of Global Jihad: Understanding Cooperation Among Terrorist Actors*, Columbia University Press, New York, 2017.

10 Jelena Nikolic, Thomas de Saint Maurice and Tristan Ferraro, "Aggregated Intensity: Classifying Coalitions of Non-State Armed Groups", *Humanitarian Law & Policy*, 2020, доступно по адресу: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2020/10/07/aggregated-intensity-classifying-coalitions-non-state-armed-groups/>.

пами управления. Для целей наших внутренних исследований под управлением понимается организация гражданской жизни, например выполнение полицейских функций, реализация некоторых механизмов разрешения споров (т. е. правосудия), а иногда и предоставление общественных благ, связанных со здравоохранением или образованием, либо взимание налогов. Управление может осуществляться более или менее прямо через неформальные или бюрократические модели. При этом мы не принимаем в расчет вооруженные группы, чьи функции управления на местном уровне законным образом признаны внутри страны, например в рамках мирного договора, регламентирующего разделение властных полномочий. Кроме того, в этом определении учтены спорные районы, в которых государство и негосударственные группы стремятся установить свою власть над местными сообществами. Пожалуй, эти районы представляют наибольшую проблему с гуманитарной точки зрения с учетом трудностей, которые создаются в результате присутствия противоборствующих органов власти. В таких районах государство и местные вооруженные группы сражаются за сохранение контроля над территорией и стремятся убедить граждан отказаться от сотрудничества с другой стороной, в том числе насильственными методами. Наконец, в нашем определении не учитывается вид группы, которая контролирует население.

При таком определении «полного контроля над территорией», по данным нашего внутреннего исследования, на момент написания статьи¹¹ под полным контролем вооруженных групп проживает от 50 до 60 миллионов человек по всему миру и еще около 100 миллионов человек находится в районах, контроль над которыми оспаривается¹².

Управление со стороны вооруженных групп значительно различается в разных случаях. Некоторые вооруженные группы соперничают с территориальными государствами, намеренно выполняя функции государственных органов власти. Они создают официальные органы управления населением, которые все чаще сотрудничают с международными учреждениями в сфере оказания гуманитарной помощи. В некоторых случаях вооруженные группы создают каналы взаимодействия с международными организациями, опираясь на специалистов, пользующихся уважением, и достаточно правдоподобно отрицают свою связь с альтернативными органами власти, которым они оказывают поддержку на местном уровне. В других случаях они осуществляют непосредственное управление населением через свои собственные организационные структуры. Многие прямые и косвенные формы управления сопоставимы с устоявшимися правительствами, хотя обычно они не признаются на международном уровне.

11 Перемены, произошедшие в связи с появлением в Кабуле Исламского Эмирата Афганистан, в этой статье не учтены, поскольку она была написана до 15 августа 2021 года и данные, на которых она основана, относятся к более раннему периоду. Однако порядок суммарных значений существенно не изменится.

12 Эта предварительная оценка получена посредством обобщения данных от делегаций МККК со всего мира.

Формы управления, используемые вооруженными группами, иногда могут быть не менее сложными, чем у признанных на международном уровне правительств, которым они противостоят. В других случаях вооруженные группы, имеющие свободную структуру, способны осуществлять управление лишь в рудиментарных формах, поддерживая тесные связи со своими местными сообществами. Подобные случаи обнажают присущие группам организационные возможности и слабость внутренних правительств и свидетельствуют о том, что управление со стороны вооруженных групп является ключевой чертой современных вооруженных конфликтов.

Различия в организационной структуре и в потенциале вооруженных групп важны для обсуждения применимой правовой базы, регламентирующей взаимодействие гуманитарных организаций с вооруженными группами. Например, для того чтобы считаться стороной в вооруженном конфликте и субъектом МГП в соответствии с последней правовой базой (подробное описание которой не является предметом настоящей статьи) вооруженная группа должна демонстрировать определенный уровень внутренней организации и участвовать в достаточно интенсивном насилии. Это особенно трудно установить в отношении децентрализованных групп с непрозрачной структурой командования. На другом полюсе находятся НВГ, осуществляющие стабильный контроль над территорией и фактически способные действовать подобно государственным органам власти, — они оказывают значительное влияние на жизнь и благополучие людей, живущих под их контролем. В таких ситуациях гуманитарным организациям, возможно, придется сослаться и на нормы права прав человека, чтобы обеспечить защиту населения, затрагиваемого конфликтом, помимо обязательств вооруженных групп в сфере МГП, применимых в условиях немеждународных вооруженных конфликтов¹³. Вопрос о применимости международно-правовой базы имеет непосредственное значение, например для людей, задержанных вооруженными группами в разных странах. Помимо задержаний мы отмечаем, что участие вооруженных групп в управлении во многом определяет их решения по поводу гуманитарной ситуации в подконтрольных им сообществах. Обязательства, связанные с управлением на местном уровне, в том числе необходимость реагировать на потребности и ожидания местного населения, играют важную роль в решениях лидеров групп по поводу проведения той или иной политики и привлечения внешних акторов.

Поддержка извне со стороны других государств и местное управление представляют собой две основные проблемы для взаимодействия вооруженных групп и международных организаций. Эти проблемы и формируют интересы и восприятие данных групп. Кроме того, они создают более широкий контекст для общения с НВГ независимо от их идеологической направленности и организационной принадлежности.

13 По поводу полноценного рассмотрения этого вопроса с юридической точки зрения см. статью Тильмана Роденхойзера «Правовая защита лиц, живущих под контролем негосударственных вооруженных групп» в этом выпуске «Международного журнала Красного Креста».

Взаимодействие с вооруженными группами

Вооруженные группы различаются в зависимости от целого ряда факторов, в том числе таких как их идеологическая направленность, зоны влияния, виды деятельности, которую они осуществляют помимо участия в военных действиях, и внешние связи. Эти показатели определяют вид взаимодействия, в которое могут вступать с НВГ гуманитарные организации, поскольку вооруженные группы, обладающие сходными важными характеристиками, часто действуют аналогичным образом. Второй фактор касается организационной структуры вооруженных групп, особенно если они контролируют территорию. Две этих черты позволяют прогнозировать вид взаимодействия и возможный диалог с вооруженными группами более достоверно, чем разрозненные сведения и допущения: например, считается, что более радикально настроенные группы систематически отказываются от признания или соблюдения МГП, однако на практике это не всегда бывает так.

Для целей нашего исследования мы разделили виды взаимодействия с вооруженными группами на пять категорий. К первой категории относится непосредственный диалог по поводу обеспечения защиты с вооруженными группами, в отношении которых действует МГП, поскольку они удовлетворяют критериям стороны в немеждународном вооруженном конфликте с точки зрения и для целей МГП. В рамках диалога этого типа предусмотрено указание на конкретные проблемы в области защиты и на юридические обязательства НВГ. Применительно ко второй категории МККК не ссылается непосредственно на МГП, особенно если вооруженная группа не является стороной в вооруженном конфликте или не желает признавать этот свод международного права. В таких случаях МККК, скорее, полагается на другие юридические нормы или общие принципы гуманности, такие как уважение человеческого достоинства и защита человеческой жизни, которые едины для всех правовых традиций и имеют под собой религиозную или культурную основу. Третья категория взаимодействия направлена преимущественно на практическое обеспечение гуманитарной помощи: в ходе диалога могут обсуждаться рабочие вопросы, в том числе доступ на территории, где действуют вооруженные группы, для достижения договоренностей по поводу принятия и безопасности, однако без углубления в нормы, регламентирующие ведение военных действий. В рамках четвертой категории МККК ведет диалог с НВГ, ссылаясь на МГП и другие правовые базы без привязки к контексту. В эту категорию входит, например, обучение принципам МГП. Последняя категория просто предполагает отсутствие диалога. Выделение различных видов диалога в рамках широкого спектра вооруженных групп помогает лучше понять характер нашего взаимодействия с ними, а также уровень взаимопонимания и доверия, который со временем повышается¹⁴. Взаимодействие с разнообразными вооруженными группами идет

14 МККК ранее публиковал исследования по этой теме (примечание 6 выше).

относительно активно. С большинством из них, независимо от их идеологической направленности и позиции, можно общаться по крайней мере по рабочим вопросам. Диалог с вооруженными группами по поводу МГП вести в целом сложнее, поскольку для этого требуется более высокий уровень осознания и понимания важности взаимодействия с внешними акторами, который формируется не сразу. Взаимодействие с группами, тяготеющими к преступной деятельности, осуществлять еще сложнее, поскольку они обычно не склонны обращаться к сторонним организациям. Диалог выстраивается по мере осознания вооруженными группами значения работы МККК. Взаимодействие способствует взаимопониманию. Кроме того, оно уменьшает влияние неверных представлений.

Несмотря на то что некоторые вооруженные группы имеют специфическую идеологию, которая может противоречить международной коммуникации с внешними организациями, определяющее значение для их готовности к сотрудничеству с гуманитарными и другими акторами имеет вид деятельности, которую ведут вооруженные группы на месте. Существует систематическая связь между уровнем взаимодействия вооруженных групп с нашей организацией и восприятия ими нашей работы и видами деятельности, осуществляемой вооруженными группами. Независимо от своих идеологических обязательств вооруженные группы, предоставляющие населению ряд услуг или полностью управляющие частями территории, гораздо теснее общаются с МККК, в том числе по вопросам МГП, если это возможно. Этот вывод свидетельствует о том, что НВГ откликаются на различные мотивы, в том числе на необходимость получить доступ к своим местным сообществам и по мере расширения своей деятельности построить новые внешние связи в сложившейся международной обстановке. Кроме того, наше исследование помогает выявить их лучшие организационные качества, способствующие этому виду взаимодействия. Для выстраивания диалога совершенно необходимо разобраться в этих характеристиках, а не просто исходить из того, что некоторые виды групп не готовы к взаимодействию с внешним миром, например в силу идеологических причин. Исследование также помогает лучше понять, как справляться с новыми кризисами, такими как пандемия, и с эволюцией долговременных планов вооруженных групп в целом.

Благодаря систематическому анализу сравнительных характеристик вооруженных групп и взаимодействию с ними в течение многих лет наша организация оказалась подготовлена к возникающим проблемам. В течение последнего десятилетия ей пришлось адаптироваться к новым объединениям вооруженных групп и созданию их подразделений в мировом масштабе. Начиная с 2020 года серьезной проблемой стала пандемия COVID-19, возникшая в условиях, когда значительная часть территорий по всему миру оказалась под контролем вооруженных групп. Понимание сочетания нескольких ключевых структурных и контекстуальных факторов, обуславливающих реакцию вооруженных групп, было важно для определения их позиции и выработки возможных направлений диалога.

Пандемия COVID-19

Пандемия COVID-19 проявляет те значимые трудности, которые существуют в области взаимодействия с вооруженными группами. Как было указано ранее¹⁵, по оценкам авторов этой статьи, по состоянию на июль 2021 года от 150 до 160 миллионов человек находятся либо под непосредственным контролем вооруженных групп, либо в районах с переходящим контролем. Группы, действующие в этих серых зонах, могут соперничать с центральным правительством, получать территориальную автономию или просто действовать исходя из краткосрочной экономической логики. Эти различия важны для определения возможного вида взаимодействия после вспышки пандемии, такой как COVID-19.

Позиции вооруженных групп по всему миру в отношении COVID-19 можно разделить на три группы (вертикальная ось на рисунке 1). Находящиеся в нижней части этой шкалы (1) вооруженные группы или приближенные к ним влиятельные лица просто отрицают существование пандемии, часто обвиняя во всем своих зарубежных противников. Некоторые перекладывают ответственность за принятие мер в области общественного здравоохранения обратно на государства, отказываясь при этом от диалога по существу, направленного на решение этого вопроса. Вооруженные группы, находящиеся в средней части шкалы (2), могут проводить общественные кампании и принимать меры предосторожности, демонстрируя возможности, подобные тем, которыми располагает государство, однако не имея твердой решимости бороться с кризисом. В последнюю категорию (3) входят группы, которые стали принимать предупредительные меры и/или изъявлять готовность активно взаимодействовать с зарубежными партнерами в рамках мировой борьбы с пандемией. На рисунке 1 представлены различные направления действий и две поворотные точки (А и В), в которых решения вооруженных групп могут со временем измениться (горизонтальная ось).

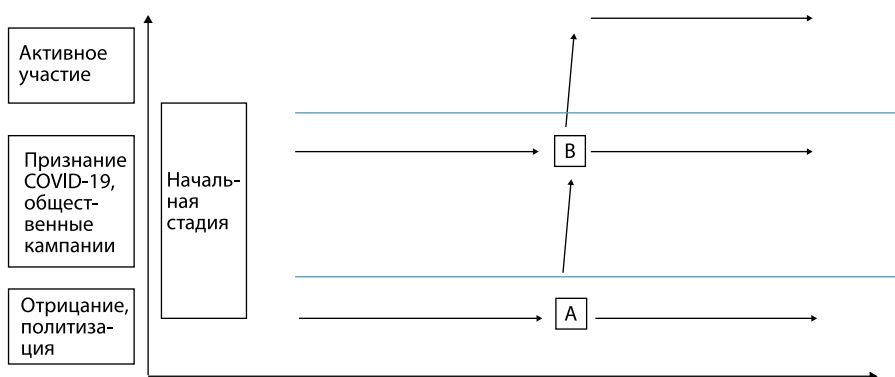

Рис. 1. Возможные направления действий вооруженных групп

15 Примечание 11 выше.

Среди причин, объясняющих изменение направления действий в отношении COVID-19, мы выделяем два вида факторов. Первая группа носит относительно структурный характер. Эти факторы перечислены в верхнем ряду блоков на рисунке 2, где схематически представлено возможное направление движения группы (слева направо) от отрицания к активному участию, где А и В обозначают поворотные точки, в которых происходит изменение отношения. К этим структурным факторам относятся постоянные характеристики вооруженных групп, на которые внешние акторы не могут оказывать непосредственного влияния. Например, вооруженные группы, которые в меньшей степени погружены в соперничество с другими группами в рамках одного общественного движения¹⁶, согласуют свои действия с государством или являются неотъемлемой частью общин, с большей вероятностью признают опасность COVID-19 и стремятся к относительно активному участию в борьбе с пандемией. Они более склонны к сотрудничеству с международными организациями в попытке установить связи с внешним миром или при стремительном ухудшении состояния здоровья населения. Вторая группа факторов, отображенная в нижнем ряду, носит более конъюнктурный характер. Они могут использоваться международными и местными организациями для содействия незамедлительному принятию мер в условиях пандемии. Ведение диалога напрямую с вооруженными группами или с конкретными влиятельными лицами может способствовать уменьшению склонности к отрицанию и приводить к более активному принятию мер.

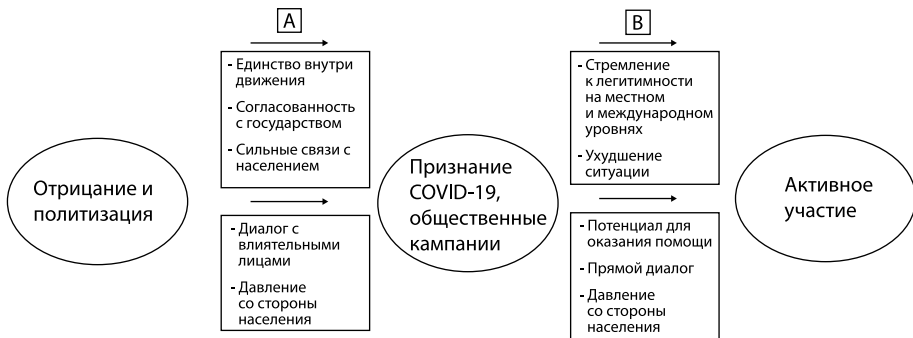

Рис. 2. Структурные и конъюнктурные факторы

Это понимание позволило выстроить взаимодействие с вооруженными группами вне зависимости от их официальной идеологической позиции. Например, в начале кризиса многие вооруженные акторы исламистского

¹⁶ Вооруженные группы обычно развиваются в рамках более масштабных общественных движений, которые могут иметь религиозную, националистическую или иную идеологическую основу. Сильная конкуренция в рамках одного и того же общественного движения может привести к усугублению разногласий между вооруженными группами по поводу COVID-19.

толка довольно резко отрицали опасность пандемии, ссылаясь на религиозные тексты и опираясь на антизападные настроения. Однако одних лишь заявлений о такой позиции было недостаточно для обоснования руководящих решений, несмотря на то, что религиозные причины имеют большое значение для понимания этих решений местным населением. Наше сравнение различных видов групп показывает, что важна была не только их трактовка религиозных текстов, но и структура общественного движения в целом и отношения этих групп с государственными органами власти. Вооруженные группы, согласующие свои действия с государственными органами власти, попытались зарекомендовать себя в качестве надежных поставщиков услуг в соответствующих районах. В связи с этим в некоторых странах особое распространение приобрели общественные кампании, в том числе информирование населения и распространение дезинфицирующих средств на улицах. Резкий контраст представляли собой вооруженные группы, в которых общественное движение оказалось разделенным на религиозной почве. Внутренние распри по поводу авторитета и легитимности лидеров с религиозной точки зрения вылились в разногласия и в отношении COVID-19. В подобных случаях споры насчет COVID-19 часто становились результатом внутреннего соперничества между различными религиозными органами власти. Такое внутреннее противостояние побуждает отдельных акторов трактовать события с точки зрения богословия, чтобы создать впечатление более строгого следования религиозным нормам и, следовательно, повысить свою легитимность. Таким образом, разногласия между исламистскими вооруженными группами проистекают не из принципиальной трактовки богословской методике, но из более общих политических переменных, которые мы учитываем в своем анализе.

Те же аргументы относятся и к глобальным и трансграничным подразделениям групп. В условиях вооруженных конфликтов эти подразделения преимущественно руководствуются своей собственной позицией, а не мнением головной структуры. Те подразделения, которые отвечают за население, более склонны принимать какие-либо меры. Однако к тем, кто едва способен контролировать территории в своей зоне влияния, это не относится, поскольку из-за отсутствия территориального контроля на них не оказывалось давление, вынуждающее выработать собственную позицию. Если бы такая группа отвечала за подконтрольное ей население, ее позиция могла бы быть принципиально иной.

Позиция вооруженных групп должна изучаться более системно и не сводиться к отдельным мнениям их лидеров и к идеологическим трактовкам. Если воспринимать эти группы в соответствующем контексте и иметь в виду их отношения друг с другом и с гражданским населением, можно выявить определяющие факторы, которые могут сначала показаться неочевидными, особенно если речь идет о так называемых идеологических группах — представляется, что они в большей степени привержены определенным принципам, противоречащим МПП и его осуществлению (таким как доступ к медицинской помощи в случае COVID-19).

Заклучение

Гуманитарные кризисы предъявляют особые требования, формирующие возможности для взаимодействия с вооруженными группами и реагирования на такие чрезвычайные ситуации, как пандемия COVID-19. Многие черты современных немеждународных вооруженных конфликтов, упомянутые в этой статье, не обязательно являются новыми (особенно это касается поддержки вооруженных групп зарубежными государствами), однако за последнее десятилетие их актуальность возросла. Группы с более ярко выраженной идеологической направленностью не следует выделять в отдельную категорию по этому признаку. Такие группы тоже реагируют на окружающую среду, которая формирует их поведение и политическую позицию помимо заявленных идеологических обязательств. Такой подход позволяет дистанцироваться от ярлыков, навешиваемых на такие группы их противниками, и от дискурса, который активно пропагандируют они сами, чтобы не создавать зашоренность, мешающую любым попыткам взаимодействия, будь то в гуманитарных целях или ради более масштабных преобразований конфликта. Предпринятая МККК попытка сформировать более системное понимание вооруженных групп в вооруженных конфликтах показывает, в частности, что, вне зависимости от идеологических притязаний и склонностей, создание управленческих структур является важным фактором, влияющим на направление движения этих групп и позволяющим предложить определенные пути взаимодействия. Во-первых, эти характеристики играют особенно важную роль при возникновении новых кризисов, и вооруженным группам приходится быстро реагировать на новые потребности, к которым они не всегда бывают готовы. Во-вторых, если сосредоточиться на поведении, а не на предполагаемых намерениях, в центре нейтрального процесса планирования гуманитарной помощи оказываются потребности людей, а не иные политические соображения. Несмотря на наличие исключений, особенно в случае конкретных групп, имеющих подразделения в разных точках земного шара, не стоит забывать о том, что гораздо чаще можно найти предпосылки к ведению взвешенного диалога и к сотрудничеству, в рамках которого минимальной точкой соприкосновения является уважение к гуманитарным соображениям.